

Анна Верная

Грешная любовь

УДК 82-3
ББК 84-4
В35

Верная А.

В35 Грешная любовь / Анна Верная. – М.: Литнет, 2026. – 420 с.

ISBN 978-5-521-99887-6

Он тот, кого я должна была ненавидеть всем сердцем и душой. Тот, из-за которого я проживала не свою, а чужую жизнь. Он лишил меня всего и всех, кого я так любила. Лишил прошлого, будущего и настоящего. Но самое главное, он убил и меня, растоптал мою душу и забрал навсегда мое сердце, которое, как оказывается, бьется только для него одного. Я не знала, что только с ним познаю любовь... страсть... и боль.

Нам не суждено было быть вместе с самого начала и говорить друг другу слова о любви. Не суждено было просыпаться в одной кровати и сгорать дотла от любви. Но только он единственный, который может мне помочь. Только в его лишь силах разжечь тот самый костер, от которого в этот раз сгорим мы оба.

Есть ли место любви там, где правит месть? Можно ли полюбить своего заклятого врага и отдать в его кровавые руки свою жизнь?

Я всегда думала, что нет. Но как же я ошибалась... Как же оба мы ошибались.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-99887-6

© Литнет, 2026

© Верная А., 2026

Глава 1

Марк

Я клялся. И не один раз. В первый раз я нарушил клятву, данную брату. Клялся ему в своей верности, и что никогда и ни за что не предам. Но я предал. И сколько бы лет не прошло, этот грех давит, врезается когтями в плоть, оставляя на ней не заживляющие шрамы.

Я почти научился с ними жить и сосуществовать, как единое целое. Да, я грешник. Проклятый грешник, ожидающий свой час расплаты. Вот и недавно я снова клялся. Клялся, что не притронусь больше к спиртному после того, что случилось с Линой и Есей. Ведь в произошедшем по большей части именно моя вина.

Но даже и такую клятву я нарушил. И сейчас, как самый законченный алкаш, снова пью какие сутки подряд. Проблема только в том, что алкоголь перестал воздействовать, как мне бы того хотелось. Я даже повода не могу найти, почему бухаю снова и снова.

Лина счастлива с этим ублюдком, как и хотела всю жизнь. Вся светится от счастья, живет с ним в их особом мире. Еся, моя малышка, тоже приходит в себя. Я сильно ее хорошо знаю, и если бы и правда ей было бы плохо, я бы понял все по ее голосу. К тому же у нас с ней есть свой особый язык жестов и особых слов, упоминание которых кричит об опасности.

Сначала это была обычная детская игра, когда она была еще совсем маленькой. Но и время спустя у нас сохранилась пара таких выражений, которые известны только нам двоим. Если бы ей было по-настоящему плохо, она бы точно дала мне знать.

Руслан. Моя гордость и мой сын. Его последний поступок о смене фамилии и отчества просто положил меня на лопатки. Вроде бы и все хорошо с самыми близкими и родными, но почему же так паршиво? Почему ускользает какой-то смысл? Почему есть ощущения, что хожу по кругу, и не нахожу, что мне нужно? Или того, кто так нужен.

Я бы мог уехать в любую точку мира. Мог бы загрузить себя делами настолько, что не оставалось бы времени даже на сон. Мог бы даже инсценировать свою смерть для всех, уехать на край света и начать все с чистого листа.

Мог бы все и даже больше. Но вместо этого просто бухаю. Пью и пью. Ни рисование, ни проект города – мечты, ничего не приносит радости. Совсем ничего. Никогда не впадал в депрессию, тем более не занимался самоубийством.

Но есть чувство, что я что-то упускаю в своей жизни, что-то очень важное. И без этой неизвестной детали и теряется весь дальнейший смысл.

Даже когда брата не стало, некогда было опускаться и горевать, нужно было Руслана ставить на ноги.

На личные страдания не оставалось ни времени, ни сил. А вот сейчас только пустота. Выжженная пустыня внутри. Вот это и есть то, что постоянно молча ношу в себе. Только однажды у меня было похожее чувство. Но оно было настолько давно, что уже и сам забыл, каково так страдать.

Это было почти шестнадцать лет назад. Почти сразу, как мы прилетели с Русланом из Китая с совсем неутешительным прогнозом. Именно тогда я и встретил ее. Чтобы я не говорил тогда и как бы не считал, но именно эта девушка смогла вывести меня из этой пустоты.

И сейчас то ли несчитанное количество выпитого алкоголя, то ли тоска, но сознание медленно уплывает, возвращая меня в то самое утро. Утро, которое изменило очень многое. Утро, когда я встретил Алину Демину в первый раз.

Пятнадцать с половиной лет назад...

– Марк Олегович, вы слышите, что я вам говорю?

Кидаю взгляд на профессора, которому по всему его отрешенному виду очень сильно плевать на здоровье Руслана. Была бы его воля, он бы меня с моим мальчиком и на порог своего института не пускал.

Причина того, что он лично тратит свое драгоценное время на нас только в том, что, во-первых, он сильно боится меня и знает прекрасно последствия моего гнева. А, во-вторых, и, пожалуй, это самая главная причина, он, как и все, любит деньги, много, много денег.

Смотрю на статуэтки на его столе, на дорогие часы. Я знаю каждую мелочь и деталь в его кабинете, успел изучить за все эти годы. Я уже и сам не помню какой по счету раз нахожусь здесь. После возвращения из Китая Руслан совсем перестал нормально спать, можно сказать, что практически и не спит.

А вместе с ним и я. Чтобы его осмотреть сейчас, пришлось сделать укол, чтобы малыш заснул. Потираю устало переносицу и выдыхаю:

– Я вас прекрасно слышу, Евгений Борисович. Слышу все и сейчас, слышал и все, что вы мне говорили еще четыре года назад, когда привез к вам Руслана впервые.

Он и сам вздыхает и откидывается у себя в кресле, снимает очки и убирает в сторону все новые анализы Руслана, которые привез с собой. Хочет явно что-то сказать, но я делаю это первым:

– Китайцы сказали, чтобы я больше не мучил ни себя, ни его. Что из живого у Руслана остались только глаза.

– Марк Олегович, я полностью согласен со своими китайскими коллегами. Вы же и сами все видите...

Не даю ему договорить, откидываю все со стола на пол, хватаю паскуду за рубашку и притягиваю к себе. Из последних сил держу себя в руках, чтобы не свернуть ему шею. Меня останавливает от этого поступка лишь надежда, что он может быть еще полезен для других детей. А также если честно я боюсь разбудить и напугать спящего Руслана.

– Я вижу. Да, я все вижу, твою мать! Не ты ли мне сам говорил, что Руслан и до года не доживет. Не ты ли и твои сранные врачи клялись, что на нем можно крест поставить! Но Русу уже пошел пятый год. И вопреки всем диагнозам, он борется постоянно за каждый свой день, мой мальчик выгрызает зубами себе эту жизнь.

А знаешь почему? Потому что он Борцов и сражаться за право жить у нас с ним в крови. — откидываю тушу от себя. Есть желание вымыть руки после него желательно с хлоркой. Докторишка поправляет ворот рубашки и невозмутимо продолжает:

— Да, чудеса бывают. Я сам не раз за свою карьеру видел много разных случаев. Признаюсь, Руслан тоже нас всех удивил. Мы все, как и вы, радовались его успехам, верили, что будут более видимые улучшения.

Но вместо этого у нас очередные качели. То все хорошо, и анализы становятся значительно лучше. То полнейший откат назад. Вы сами, положи руку на сердце, скажите, неужели вам его не жалко? Это не жизнь. Это... Это просто существование, очень тяжелое и выматывающее. В этот раз он уже точно не сможет выкарабкаться.

— Все сказал? А теперь заткни свою пасть! — заорал я. И тут же посмотрел на спящего Руслана. Чуть тише, но со всей яростью по буквам прорычал:

— Ты хуевый профессор. И надеюсь, что тебя самого не будет ожидать тяжелое и выматывающее существование. Живи долго, очень долго. Потому что настанет день и в этот кабинет я приду не сам, а с Русланом.

И мой мальчик будет уверенно стоять на своих ногах и отлично разговаривать, даже на разных языках. И запомни, тот день, когда это случится, станет твоим последним рабочим днем. С того момента я тебе обещаю ты и дня не будешь просиживать в своем кабинете и хоть кого-то лечить.

Разворачиваюсь в сторону выхода, осторожно уложив спящего Руслана в переносную люльку, и быстро покидаю это место. Место, где должны по всем законам помогать и лечить, дарить надежду. В моем же случае этой самой последней надежды и лишают, оставляя один на один со своей болью.

Выхожу на улицу и поднимаю голову к небесам. Я знаю, что уже давно проклят, что с такими грехами даже в ад не возьмут. Мои

мольбы там никто не услышит. Но я прошу не для себя. Прошу стоя на коленях только за спасение единственного мне самого дорогого человечка в этом мире. Каждый раз снова и снова вспоминаю предсмертные слова Марины. О том, что этот ребенок уже с момента зачатия обречен на страдания и муки из-за наших с братом грехов.

– Прости меня, сынок. – слезы льются рекой. Кладу люльку на ближайшую лавочку и достаю сына. Именно сыном, а не племянником я его всегда и считал.

– Прости. – повторяю снова и снова. – Но кажется я нарушу обещание, данному твоему отцу, когда его не стало. Наверное, парень, в этот раз мы уже и правда не справимся. Я бы отдал тебе все свои органы, не задумываясь, всю свою кровь до единой капли.

Но к сожалению... К сожалению ничего из этого нам не поможет. Я, правда, малыш, не знаю, куда нам с тобой можно еще пойти. Где нас с тобой ждут? Но ты знай, сынок. – глотаю соленые слезы. – Никогда, никогда я от тебя не откажусь, ни за что на свете.

Руслан еле-еле открывает свои маленькие глазки. У него они от Лины. Единственное, что досталось Руслану от матери. По его щекам, как и по моим тоже текут слезы. Я точно знаю, что у него что-то сильно болит.

Но он настолько сильно измучен, что у него просто нет сил кричать и громко плакать. А еще он смотрит на меня так осознанно, что мне, кажется, он все понимает, что я ему только что сказал. Прижимаюсь своим лбом к его крошечному лобику, перебираю крохотные пальчики, вдыхаю его вкуснейший аромат.

Сколько бы не было у нас таких моментов, я хочу запомнить каждый. Снова укладываю Руслана в люльку и направляюсь к своей тачке. В этот раз ускоряюсь сильнее. Хочу быстрее свалить отсюда.

Не успеваю нажать на сигналку, как кто-то сзади кричит. Поворачиваюсь и через минуту напротив меня оказывается какая – то девочка. Сгибается пополам и пальцем показывает дать ей минутку. Видимо быстро бежала, может еще и звала.

Только я весь сейчас в своих мыслях и совсем не настроен отвлекаться на посторонний шум. Девчонка выпрямляется во весь рост, одета в медицинский костюм, на голове чепчик, а лицо наполовину закрывает маска.

Видно только лишь ее глаза. На них и смотрю. Есть в них что-то такое, что заставляет не развернуться и не уехать немедленно, а стоять и ждать, пока приведет дыхание в норму. Мне нравится уже цвет ее глаз. Потому что точно такой же цвет глаз и у Лины.

Почти один в один. Первая мысль, что я что-то забыл в кабинете у этого светила медицины, что совсем неудивительно, учитывая, как почти бегом покидал его.

– Слава Богу, я вас догнала. – начинает она говорить. Голос у нее чертовски приятный, Хотя всего – то пару слов только и сказала. – Послушайте, я вас умоляю выслушать меня. Дайте мне всего лишь несколько минут. – умоляюще просит, дотрагиваясь до моей руки.

А вот это уже запрещенный прием. Никому постороннему не разрешаю касаться себя, даже нечаянно. Незнакомка, судя по моему грозному виду, сразу одергивает руку. Но настрой разговаривать совсем не теряет.

Наверное, только ради ее глаз я и дам ей маленький шанс. Пусть говорит, что надо и проваливает. Нет у меня времени тратить его не пойми на кого. Мое молчание она принимает за согласие. При других обстоятельствах мне возможно и было бы интересно выслушать что там такого срочного, но сейчас нет никакого абсолютно желания.

Где-то в подсознании даже мелькает мысль, что это очередная охотница за деньгами. Я довольно известный постоянный посетитель этого места, и весь персонал меня давно уже знает. Не раз медсестры, а также женщины – врачи открыто намекали продолжить общение в другой, более интимной и уединенной обстановке.

Но такой формат отношений с мед персоналом меня никогда не интересовал.

– Марк Олегович. – продолжает тараторить она. – Я изучила всю историю болезни вашего мальчика, все с самого его рождения. Не считайте меня сумасшедшей, но я могу вам помочь. Я могу сделать все возможное и невозможное, но, клянусь, этот мальчик точно встанет на ноги и будет абсолютно здоровым и обычным ребенком, как и многие другие.

Глава 2

– Я знаю, что сейчас мои слова для вас кажутся абсурдом, но я и правда могу помочь. Я точно знаю, за что именно нужно зацепиться, где поменять тактику лечения. Руслан не обычный мальчик, и к нему не подходит стандартное лечение и еще...

– Сколько? – устало выдыхаю.

– Не поняла вопроса.

– Сколько тебе лет?

– Двадцать три исполнилось месяц назад. Но это ничего не значит.

– Значит двадцать три. – усмехаюсь я. – Сколько лет вас там учат в меде? Шесть лет, кажется. То есть ты только что выпустилась всего пару месяцев назад. И ты хочешь сказать мне, что вчерашняя выпускница может сделать то, что не смогли все они? – показываю рукой на стены здания.

То есть ты можешь превзойти всех этих профессоров, у которых куча написанных работ по медицине, да еще и переплюнуть их всех вместе взятых? Причем у тебя нет ни стажа, ни опыта, да ни хера нет!

– Я окончила институт с красным дипломом и еще кандидат медицинских наук. Как раз сейчас пишу свою первую диссертацию.

– Поздравляю. Уверен, с таким напором ты обязательно ее защитишь. Но бесплатный совет на будущее. Если нужны бабки или богатый мужик, советую выбирать объект без ребенка на руках.

Да и клеиться не в таком месте и желательно не в таком наряде. Хотя может у кого и есть фантазии на врачей.

– Да вы... Вы... – не вижу ее лица, но уверен, сейчас оно точно покраснело. И не от стыда. У девчонки несомненно сильный характер, и она может ответить за слова. Но сейчас только и может, что выкать, чем раздражает еще сильнее.

– Да, я. И пару минут уже прошли.

Не успеваю отвернуться, как в спину прилетает: